

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ,

доктор социологических наук, доцент кафедры социальных структур и социальных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (03022, Киев, просп. Глушкова, 4-д)

ANDRII MELNIKOV,

Doctor of Sciences in Sociology, associate professor at the Department of Social Structures and Social Relations, Taras Shevchenko National University of Kyiv (4-d, Glushkova Av., Kyiv, 03022)

amelnk13@gmail.com

http://orcid.org/0000-0001-5415-5030

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕНЦЕВА-ТИМЧЕНКО,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Национального университета «Одесская юридическая академия» (65009, Одесса, ул. Академическая 2, каб. 906)

KATERYNA ALEKSENTSEVA-TIMCHENKO,

Candidate of Sciences in Sociology, associate professor at the Department of Sociology, National University «Odesa Law Academy» (2, Academicheskaya St., off. 906, Odesa, 65009)

k.alexentseva@gmail.com

http://orcid.org/0000-0001-6060-9748

Концепция аналитической этнографии Джона Лофланда

Развитие качественного подхода в социологической науке обрело новую силу и стало значимым фактором, определяющим формат современных исследовательских поисков. Специфика применения качественных методов в постсоветском контексте не только продемонстрировала актуальность освоения уже существующих разработок на методологическом и эмпирическом уровне, но и сформировала потребность в более глубокой систематизации широкого историко-теоретического поля интерпретативной, неклассической метапарадигмы. Одним из наименее упорядоченных элементов этой метапарадигмы остается аналитическая этнография, которая не ограничивается рамками эмпирической стратегии и имеет значительный теоретический потенциал.

Цитирование: Мельников, А., Алексенцева-Тимченко, Е. (2021). Концепция аналитической этнографии Джона Лофланда. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 87–104, <https://doi.org/10.15407/sociology2021.04.087>.

Исследования историко-теоретического характера, посвященные аналитической этнографии, начали появляться в социологии в 1970-е годы. Так, предпринимались попытки проследить генезис этого направления от классического наследия Ш. Летурно, М. Лацаруса, Г. Штейнталя, Э. Дюркгейма и М. Мосса до работ социальных антропологов (А. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс, К. Гирц) и представителей Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс и др.). Постепенно произошло дистанцирование качественного этнографического анализа от позитивистской этнографии как эмпирико-описательной части этносоциологии, которая нацелена на раскрытие преимущественно социетальных характеристик различных этнических и национальных общностей. Это дистанцирование способствовало дальнейшей интеграции аналитической этнографии в структуру интерпретативной метапарадигмы, объединяющей в себе понимающую и гуманистическую социологию, символический интеракционизм, социальный конструктивизм, этнометодологию, обоснованную теорию, драматургическую, экзистенциальную и феноменологическую социологии.

Становление и теоретико-методологическое содержание аналитической этнографии как относительно самостоятельного подхода неоднократно рассматривались в работах Н. Дензина, Д. Алтейди, К. Эллис, М. Хаммерсли, П. Аткинсона, П.А. Адлер и П. Адлера, Д. Сноу, Л. Андерсона, П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой, В. Семенович, А. Готтлиб, Л. Скоковой, Д. Рогозина. Классическими для данного понимания социологической этнографии стали такие тексты, как «Мидлтаун» (1929) Р. Линда и Х. Линд, «Общество на углу улицы» (1943) У.Ф. Уайта, «Человек, который управляет» (1959) М. Дальтона и «Аутсайдеры» (1963) Г. Беккера. На основании большого количества разнообразных эмпирических наработок начала формироваться определенная теоретическая система, изменившая понимание этнографии как универсального, междисциплинарного метода, идентичного включенному наблюдению или качественному полевому исследованию как таковому. Одна из наиболее влиятельных концепций, которая способствовала развитию теоретического базиса социологической этнографии, была предложена Джоном Лофландом. Поскольку эта концепция остается недостаточно изученной в историко-теоретической перспективе, характеристика ее основных положений стала целью представленной статьи.

В американской социологии Дж. Лофланд широко известен как специалист в области исследований девиантного поведения, а также религиозных и протестных движений [Lofland, 1966, 1969, 1985, 1993, 1996]. В 1971 году он опубликовал небольшую книгу под названием «Анализируя социальную среду» [Lofland, 1971], которая стала знаковым текстом для сторонников качественного подхода и выдержала уже три переиздания. В этой книге, ориентированной на начинающих социологов, автор попытался синтезировать достижения в области «иммерсионных» полевых исследований, основанных на длительном включенном наблюдении и участии в предметных социальных отношениях в их естественной форме. Обобщающую версию своих концептуальных разработок Лофланд представил в крупной программной статье под названием «Аналитическая этнография» [Lofland, 1995], в которой он попытался прояснить сущность этнографического направления в социологии и систематизировать процедуры, способствующие аналитическому построению теории.

Теоретико-методологическими истоками аналитической этнографии по праву считаются исследования представителей Чикагской школы. Концепция Дж. Лофланда начала формироваться в 1960-е годы, на завершающем этапе деятельности второго поколения этой выдающейся школы, а также на фоне восхождения таких фигур, как Г. Блумер и И. Гоффман, во многом сформировавших теоретический фундамент качественной социологии. Через Лофланда, который был учеником Блумера и Гоффмана в Университете Калифорнии в Беркли, идеи символического интеракционизма и драматургической социологии оказали существенное влияние на этнографический анализ. В частности, Гоффман поддерживал Лофланда в создании в 1972 году журнала «Urban Life and Culture» (Городская жизнь и культура) [Lofland, 1984], который стал импульсом для развития аналитической этнографии, вывел ее за пределы сугубо антропологического понимания и усилил оппозицию засилью количественного позитивизма. Сегодня это издание, которое со временем было переименовано в «Журнал современной этнографии», остается флагманом аналитической этнографии.

Лофланд описывает 1980-е и начало 1990-х годов как период всплеска внимания к этнографии в социологических публикациях, что повлекло за собой усложнение и фрагментацию этого «особого жанра». Данное обстоятельство стало стимулом для формулирования принципов аналитической этнографии и ее сопоставления с другими направлениями, в частности, с обоснованной теорией. Обращаясь к результатам различных этнографических исследований и теоретическим работам сторонников интерпретативной парадигмы, Лофланд выделяет семь «идеальнотипических» элементов, которые в совокупности определяют специфику аналитической этнографии, ориентированной на поиск закономерностей социальной жизни на основе ее детального качественного изучения.

Аналитическая этнография — это репрезентация повседневной жизни (этнография как «прожитый опыт») на основе лонгитудно собранных полевых данных (преимущественно с помощью включенного наблюдения и глубинных интервью), «вписываемых» в определенный тип критической, теоретической концептуализации. Такая концептуализация не только придает смысл эмпирическим данным (концепт–данные), но и создает поле дискурса, облегчающего понимание и объяснение зафиксированных событий. Основное отличие аналитической этнографии состоит в соблюдении баланса между рефлексивным наблюдением и близостью к эмпирическим данным (чувствительностью, погруженностью в эмпирическое поле, участием в повседневной жизни и т. п.). Принятие аналитической установки способствует нивелированию отображения собственного индивидуального опыта исследователя в презентации эмпирических данных и отражению интерсубъективного опыта изучаемого сообщества (субкультуры).

Первым принципом аналитической этнографии выступает формирование *общих/базовых пропозиций (generic propositions)*, предполагаемых в любом исследовании, независимо от его формы или парадигмальной принадлежности. Эти пропозиции (утверждения) возникают вследствие ответов на восемь фундаментальных вопросов относительно предметных аспектов социальной жизни (табл. 1) [Lofland 1995: pp. 37–38].

Лофланд указывает, что вопросы касательно частоты, величины и причинно-следственных связей чаще задаются в количественных исследованиях, тогда

как остальные вопросы характерны для качественной стратегии. В более широком значении общие/базовые пропозиции связаны с формулировкой гипотез, понятий, аргументов, то есть с процессами построения нарративных или концептуальных структур научного проекта. Степень конкретности или абстрактности разрабатываемой концепции зависит от «исторической детализации» описываемых событий, их фиксации с точки зрения хронологического развертывания определенных взаимодействий в реальном контексте¹. Таким образом, применение общих/базовых пропозиций нацелено на индуктивное восхождение к наивысшим уровням абстрагирования на основании «исторических» случаев. В процессе кодирования и составления аналитических памяток (*memoing*) социолог задается вопросами о связи эмпирического материала с масштабными социальными категориями, что позволяет расширить релевантность полученных результатов касательно иных абстрактных концептуализаций и выдвинуть трансситуационные утверждения. В определенном смысле, такой подход формирует способность «видеть вселенную в частице песка», что фактически является навыком раскрывать глубинное содержание предмета изучения и его латентную взаимосвязь с другими явлениями.

Таблица 1

Схема построения исходных пропозиций аналитической этнографии

№	Критерий	Вопросы	Предполагаемые ответы
1	<i>Тип</i>	Что это? Каковы отличительные черты и разновидности?	X существует (или X1, X2, X3,... Xi существуют)
2	<i>Частота</i>	Как часто это происходит?	X встречается с частотой Y в местах 1, 2, 3 ... n в течение Z периодов времени
3	<i>Величина</i>	Каковы масштаб, сила или интенсивность?	X имеет масштаб, силу или интенсивность Y
4	<i>Структура</i>	Какова детальная организация?	X структурирован в терминах 1, 2, 3 ... n
5	<i>Процесс</i>	Как это функционирует?	X представляет собой процесс с фазами или циклами 1, 2, 3 ... n
6	<i>Причина</i>	Как это возникло?	X вызвано факторами 1, 2, 3 ... n
7	<i>Следствие</i>	На что это влияет?	X имеет следствия 1, 2, 3 ... n
8	<i>Агентность</i>	Какие стратегии действия выработывают индивиды по отношению к этому?	При X индивиды используют стратегии и тактики 1, 2, 3 ... n

Натуралистический характер этнографических исследований обусловил использование представителями этого направления принципа *неограниченного познания (unfettered inquiry)*, который еще больше расширяет когнитивный горизонт анализа посредством обращения к контексту самих исходных пропозиций, а также к рефлексивным или метатеоретическим вопросам о предельных смыслах социологического знания и существования общества. Таким образом, целью применения этого принципа становится выявление экзистенциальных параметров исследуемой проблемы на основании контемплативной, созерца-

¹ Более подробно о проблеме контекстуализации в интерпретативной перспективе см.: [Melnikov, Johnson, 2021].

тельной установки¹. Она является натуралистической в том значении, которое ей придавал И. Гоффман через понятие *sub specie aeternitatis*, указывающее на тотальные аспекты познавательной деятельности «с точки зрения вечности» [Goffman, 1983]. Общество, в такой перспективе, рассматривается в максимально широких временных и пространственных терминах, тогда как исследователь также стремится к отказу от предзаданных категорий сознания. Однако данная радикальная позиция в реальных условиях исследовательской практики, как правило, оказывается гораздо более умеренной, а «дух» неограниченного познания определяется расширением трех базовых фреймов — темпорального, социального и эмоционального. В частности, преодоление предустановленных социальных фреймов может пониматься как учет более широкой аудитории, озабоченной той же проблемой, которая исследуется социологом. А нивелирование эмоциональных границ означает достижение беспристрастного и, вместе с тем, не лишённого полностью ценностной составляющей восприятия обнаруженных социальных противоречий. При этом подчеркивается важность учета степени ангажированности самого исследователя и затрагивается вопрос о субъективных причинах и целях научной деятельности.

Как следующий принцип аналитической этнографии Лофланд выделяет *глубинную осведомленность (deep familiarity)* — эмпатическое, иммерсионное слияние с изучаемым контекстом в качестве субъекта-свидетеля, что И. Гоффман считал сущностью полевой работы и метода включенного наблюдения [Goffman, 1989]. Такая форма погружения в ситуации и события создает «сонастроенность» с изучаемыми индивидами, а также обеспечивает интимное ощущение латентных и наиболее тонких смысловых аспектов их действий. Эта методологическая установка совпадает с исходной идеей символического интеракционизма Г. Блумера касательно взаимодействий лицом-к-лицу как ключевого элемента полевой работы, который понимается значительно шире, чем только лишь прямые контакты исследователя с респондентом в процессе проведения личного интервью (F2F). Отсюда целью становится изучение не просто различных высказываний и рациональных ответов на вопросы, но скорее интегрального, экзистенциального опыта субъектов, содержащего внерациональные, чувственные и эмоциональные составляющие. Фокусирование на опыте увеличивает возможности проникновения за пределы конвенциональных «фронтов», типизаций, стереотипов и других формализованных паттернов, которые составляют лишь поверхностные и, нередко, фиктивные или имитационные слои социальной реальности. Существенным недостатком данного подхода является проблема доступа к предметному контексту и необходимость поддержания лонгитюдной иммерсии. Поэтому, доступ к контексту может выступать определяющим фактором, подчиняющим тематический выбор исследовательского предмета.

Не менее важной особенностью аналитической этнографии является *эмерджентный анализ*, который выступает противоположностью классической стратегии построения гипотез и их подтверждения или опровержения в процессе исследования. Эмерджентность, подобно тому, как она представлена

1 *Возможностям* контемплативного анализа в социальных науках посвящены исследования известного польского социолога К. Конецкого [Konecki, 2018].

в обоснованной теории, обеспечивается индуктивным и открытым характером научного поиска, который опирается на метод кейсов и максимально очищается от предзаданных теоретических конструкций. Таким образом повышается креативность и эвристичность эмпирического сбора данных, а также достигается их постепенная аккумуляция в естественно сформированных, фактологических кодах, концептах и категориях. Одним из наиболее сложных аспектов «восхождения к теории» становится выявление объективных закономерностей в массиве разрозненных фактов и их объединение в целостные теоретические структуры. Как и многие представители обоснованной теории, Лофланд не проясняет специфику дальнейшего применения результатов эмерджентного анализа и их соотношения с существующим корпусом теоретического знания.

Стремление представителей аналитической этнографии к установлению объективных закономерностей социальной жизни сближает данный подход с парадигмой позитивизма и наиболее емко отражается в понятии *достоверности* (*true content*). Это понятие указывает на требование истинности не только в отношении репрезентации эмпирических данных, но и применительно к их последующей аналитической интерпретации. Особое значение в контексте данной двухмерной реалистической перспективы приобретает точное описание пространственно-временных параметров изучаемых объектов. Однако больше внимания уделяется не классическим критериям надежности и валидности, а так называемому персональному свидетельству (*testimony*) или «этнографической валидности», состоящей в изложении деталей исследовательских практик, формирующих контекст итогового аналитического отчета¹. Опираясь на методологические разработки Р. Санжека, Дж. Лофланд выделяет три основных «канона этнографической валидности» [Lofland, 1995: p. 40; Sanjek, 1990]:

- «теоретическая открытость» (*theoretical candor*) — отображение процессов возникновения и развития аналитической работы, а также логики построения представленных концептуальных схем;
- «траектория этнографа» (*ethnographer's path*) — подробная характеристика социальных взаимодействий исследователя и информантов;
- «свидетельства полевых записей» (*fieldnote evidence*) — описание процедур сбора, обработки и презентации эмпирических данных.

Следование данным канонам направлено на повышение достоверности научной информации посредством транспарентности исследовательского процесса и расширения возможностей самостоятельной оценки его результатов различными реципиентами.

Требование достоверности связано со стремлением представителей аналитической этнографии к *новизне* (*new content*), под которой понимается обращение к неизученным сегментам проблемного поля на фоне экономии исследовательских ресурсов как на эмпирическом, так и на аналитическом уровне посредством отказа от воспроизводства ранее уже полученных кем-либо достоверных результатов. В то же время учитываются и возможности еще более детальной разработки таких результатов при условии применения принципов неограниченного познания и глубокой осведомленности. По крайней мере, уже

¹ Подробнее об этом этическом критерии транспарентности или открытости исследовательской методики см.: [Рогозин, 2016].

изменение места и времени исследования в рамках ранее разработанных тем открывает перспективу достижения их иного понимания. С другой стороны, новизна может обеспечиваться обращением к лишь недавно возникшим социальным процессам или явлениям, количество которых значительно увеличилось в современном обществе.

С начала 1990-х годов Лофланд усматривает тенденцию вхождения аналитической этнографии в стадию «нормальной науки», в которой все более распространенной становится теоретическая логика инновативного развития уже имеющихся концептуальных разработок через их эмпирическую конкретизацию. В качестве типичного примера такого развития приводятся исследования С. Ханта и Р. Бенфорда, в которых общетеоретическое понятие идентичности конкретизировалось в процессе этнографического анализа гражданского активизма и социальных движений, вследствие чего было достигнуто новое понимание феномена «работы с идентичностью» и предложена развернутая типология «дискурса идентичности» (*identity talk*) [Hunt, Benford, 1994].

Седьмым и завершающим принципом аналитической этнографии Лофланда является *развитая интерпретация*, сущность которой заключается в утверждении необходимости детализированной теоретической трактовки, а также комплексного эмпирического обоснования изучаемой проблемы, что дает приоритет в последующей интеграции полученных результатов в общую структуру социологического знания по сравнению с аналогичными, но менее разработанными результатами. Так, отчет, соответствующий объему научной журнальной статьи, должен иметь приблизительно от трех до пяти структурных элементов, каждый из которых включает такое же количество подразделов. При этом важной является не только глубина теоретического и эмпирического структурирования, но и соблюдение баланса между этими двумя исследовательскими уровнями. Иными словами, следует избегать смещения как в сторону абстрактной концептуализации, так и в сторону чистой дескриптивности журналистского или исторического типа. Достижение методологического паритета позволяет выйти на метауровень целостной, интегративной интерпретации эмпирических данных и их аналитической трактовки. Развитая таким образом *метаинтерпретация* нацелена на итоговое обоснование представленного отношения или взаимопроникновения данных и аналитики. Ключевыми характеристиками развитой интерпретации становятся обеспечение дисциплинарной строгости и дополнительная проверка достоверности исследовательского контента.

Обобщая свою концепцию, Лофланд указывает на проблему парадигмальной имплицитности, которая заключается в отсутствии дисциплинарной оформленности многих классических текстов этого подхода именно под лейблом аналитической этнографии. В то же время, высказывается предостережение касательно «рабской приверженности» какому-либо методу как таковому в ущерб объективной логике эмпирических данных, что характерно для гипотетической и экспериментальной стратегии позитивистов, но может в будущем представлять опасность и для этнографов. Строгий диктат метода не дает возможность отразить многие аспекты многомерной и сложной социальной реальности, что приводит к ее искажению с целью формального обеспечения соответствия данных определенной парадигмальной или методологической программе. Ил-

люстративным кейсом такого искажения в области историко-теоретического анализа Лофланд считает исследования Н. Муллинса, в которых предпринята попытка применить заранее разработанную концептуальную схему в изучении «теоретических групп» американской социологии [Mullins, 1973].

Для этнографии и качественного метода в целом методологический догматизм может выражаться в иной крайности — полного отсутствия гипотетичности и продуцировании огромного количества разрозненных эмпирических результатов. Кроме этого, дух свободного познания, глубинной осведомленности и новизны нередко создает иллюзию того, что достаточным условием прироста знания в той или иной области является уже само применение этих принципов. Данная иллюзорность усиливается наивной верой в то, что любой этнографический текст по определению не может быть скучным или неинтересным для подготовленного читателя. Эти и другие проблемные стороны этнографии лишь еще раз подтверждают тезис о латентной тенденции подмены цели исследования его средствами, когда, например, важнее становится то, как «рассказана история», чем то, о чем она собственно повествует. Обе крайности — подмены содержания логикой метода и полного отказа от концептуальных схем — могут быть приведены в равновесие путем их периодической системной генерализации и консолидации.

Говоря о перспективах развития концепции аналитической этнографии, Лофланд предполагает постепенное изменение характера эмерджентного анализа на фоне сохранения специфики остальных принципов. Эти изменения будут связаны с последующим увеличением роли исходных исследовательских вопросов или гипотез в процессах индуктивного исследования, что уже наблюдалось в работах группы этнографов, возглавляемых Д. Сноу — Л. Андерсона, Р. Бенфорда и С. Ханта. Наконец, еще один важнейший вопрос касается проблемы положения и роли исследователей как социальной группы, находящейся в системе отношений власти и подчинения. Одним из аспектов этой проблемы является прагматический потенциал аналитической этнографии и её способность достигать научных результатов, имеющих прикладное общественное значение. Другим аспектом выступает борьба разных социальных групп за использование экспертного научного знания для достижения собственных коллективных целей. Оптимальной стратегией действий социологов при условии требований практичности и невозможности полного нейтралитета в координатах социальной стратификации становится повышенное внимание именно к властным структурам и тем их представителям, которые формально определяют социальную ситуацию.

Предварительно можно утверждать, что отдельные перспективы и тенденции развития аналитической этнографии, как они были представлены Лофландом в середине 1990-х годов, по крайней мере частично нашли подтверждение. Кроме этого важно учитывать парадигмальный контекст концепции Лофланда, которая связана с другими версиями этнографического подхода. Так, уже в 2000-е годы последователи Лофланда, американские этнографы Д. Сноу, К. Моррилл и Л. Андерсон предложили дополнить его концепцию рядом элементов, способствующих расширению «теоретической значимости» или преодолению

«концептуальной обедненности» (*conceptually impoverished*)¹ этнографических исследований [Snow, Morrill, Anderson, 2003]. Они детализировали принцип развитой интерпретации за счет трех методических приемов — *теоретического открытия* (*theoretical discovery*), *теоретического расширения* (*theoretical extension*) и *теоретического уточнения* (*theoretical refinement*). Суть теоретического открытия (техники, не новой, хорошо проработанной в обоснованной теории) состоит в том, что аналитическое понимание и концептуализация достижимы лишь в процессе постоянных детальных проверок, пересмотра и сравнений получаемых данных. Важность «открытия» состоит в том, что «исследователь позволяет условиям поля или интересам информантов определять фокусы и методы исследования» [Snow, Morrill, Anderson, 2003: p. 187], что способствует разработке альтернативных теоретических формулировок. В качестве подтверждения этого авторы апеллируют к результатам исследований знаменитых классиков этнографии (Р. Бенедикт, И. Гоффман, Г. Бейтсон, У. Уайт, Б. Малиновский и др.), наблюдения которых стимулировали появление или даже легли в основу определенных концепций и методологических принципов.

Теоретическое расширение предполагает «переносимость» теории между несколькими контекстами (трансконтекстуальность). Причем условия, в которых первоначально разрабатывалась теория, и контекст проведения текущего исследования могут быть довольно неоднородными. В качестве примеров авторы приводят результаты исследований мести как формы социального взаимодействия, а также изучение проблематики идентичности представителей разных социальных групп в неоднозначных ситуациях. Основной посыл заключается в том, чтобы показать каким образом концептуальные разработки относительно изученных социальных феноменов могут получать дальнейшее теоретическое осмысление в измененном контексте и как эти условия могут влиять на проявление социальных форм, социальных типов или социальных процессов.

Теоретическое уточнение — своего рода аналог «расширенного метода кейсов» (М. Буравой) — заключается в умении ориентироваться в уже существующих субстантивных (специальных) и формальных (общих) теориях, не позволяя, однако, этим теориям жестко детерминировать исследовательский процесс. При этом предполагается максимальное погружение в ситуацию на фоне сохранения «возможной общности наблюдаемого». Здесь важны обеспечение взаимодополняемости эмпирических данных и теоретических формулировок, а также повторное обращение к исследовательским записям или изучаемой области для сбора новых данных, подтверждающих внесенные уточнения.

Американские этнографы Патриция и Питер Адлеры на основании многолетнего опыта полевой работы констатируют эпистемологический поворот в современных этнографических исследованиях. Особенно этот поворот проявляется в этической проблематике, касающейся роли исследователя в поле как «включенного наблюдателя» или «наблюдающего участника» и нахождения баланса между этими позициями. Открытость методики и приемов, с помощью

1 Термин, введенный Дж. Лофландом еще в работе «Interactionist Imagery and Analytic Interruption» [Lofland, 1970] и означающий отказ или неспособность полевых исследователей доводить до конца трудоемкую аналитическую работу, которая могла бы способствовать приросту теоретического знания.

которых была получена информация является необходимым приемом повышения «этнографической валидности», речь о которой шла выше. Будучи методологическими последователями экзистенциалистов Дж. Дугласа и Дж. Джонсона, Адлеры полагают, что именно «вовлеченность, близость и субъективность» являются признаками эффективного полевого исследования [Адлер, 2019: с. 17].

Адлеры приводят примеры собственных лонгитюдных проектов, в которых демонстрируют установку на глубинное погружение и принятие субъективной позиции исследователя. В ходе сбора эмпирической информации они выступали как в качестве *периферийных* участников (т. е. в качестве членов определенного сообщества без вовлечения в его основную деятельность), так и в качестве активных участников или полноправных членов изучаемых групп. В результате был сделан вывод о неприменимости всеобщих этических стандартов для сбора информации в различных социальных контекстах. Например, это касалось получения разрешений на проведение исследования от этических комитетов, информирования контролирующих органов о проявлениях девиантного поведения, особенно среди подростков, молодежи или других закрытых групп.

Рассуждая о распространении и легитимации этнографических исследований как следствии интегральных трендов в социологии на современном этапе, Адлеры выделяют четыре формата презентации этнографических исследований в зависимости от аудитории.

1. Классический формат выступает органичным выражением этнографического подхода последователей Чикагской школы, который со временем претерпел определенные модификации. «Миссия этого жанра всегда заключалась в том, чтобы «вернуться с новостями», риторически убедить читателя, что исследователи транслируют подлинную и проверяемую историю, собранную людьми, которые покинули башню из слоновой кости, чтобы выйти в поле и вернуться с точным знанием о трендах и паттернах мира, начиная от его повседневной жизни до его темных и скрытых сторон» [Адлер, 2019: с. 31].

2. Формат мейнстрима представляет собой версию публикации результатов этнографических исследований в трендовых общесоциологических журналах, которые навязывают гипотетическую модель рассуждений в качестве стандартов оценки проекта (особенно того, что касается обоснования валидности применяемых методов и надежности полученных данных). Такой формат полностью противоречит принципу этнографической парадигмы, который отвергает методологическую строгость и формализм, особенно на начальных этапах исследования. В результате публикации результатов этнографических исследований в таких журналах наталкиваются на жесткую критику или вызывают острую полемику.

3. Публичная этнография основана на приверженности к тактике «включенного наблюдения» и ориентирована на широкую неспециализированную аудиторию. Для жанра публичной этнографии в целом не характерны какая-либо эпистемологическая дискуссия, дисциплинарная строгость и аналитическая трактовка эмпирических данных.

4. Постмодернистская этнография представляет собой своеобразный синтез традиционных и новых методологий, новых форматов презентации. Сюда относятся такие формы, как автоэтнография, дуоэтнография, этнодрама, перформанс, поэзия и т. п. Например, концептуальные построения Л. Вакана, кото-

рый во избежание «пустых спекуляций теоретического дискурса», рассуждая о символическом насилии, не только опирается на результаты собственных этнографических исследований традиционного алжирского общества, но и рассматривает в качестве «антропологических документов», вслед за своим учителем П. Бурдые, литературные произведения эпохи модерна (в частности, В. Вульф и др. представителей романа «потока сознания», а также философские тексты И. Канта, Ж.-П. Сартра и др.) [Бурдые, Вакан, 2015].

Одним из наиболее противоречивых методов можно считать автоэтнографию, внимание к которой существенно возросло в конце 1990-х — начале 2000-х. Основанием автоэтнографии выступает автобиографический метод как полностью эксплицированное повествование о пережитом индивидуальном или коллективном опыте в конкретной социальной среде. Согласно Д. Рогозину, в рамках автоэтнографии в западной традиции постепенно оформляется два направления: эвокативное, основанное на квир-теории, и аналитическое, связанное с концептуальной перспективой.

Эвокативное направление предполагает аутентичное и достоверное изложение (постижение) социальной жизни, детальное описание повседневных практик, и это требует от исследователя «внимательного отношения к востребованным и в обиходе применяемым интимным техникам воспроизводства идентичности, попыткам понять себя и свое окружение» [Рогозин, 2015: с. 229]. Иллюстративными, в этом отношении, являются исследования Т. Адамса, который изучал гендерные отношения через практики формирования собственной нетрадиционной сексуальной идентичности. Впоследствии сотрудничество Адамса с другими представителями эвокативной этнографии (К. Эллис, А. Бочнер) приводит к изданию обзорной работы по автоэтнографическому методу, которая стала канонической для этого жанра в последующие годы. В ней авторы на примере собственных исследовательских приемов показывают сложность и комплексность автоэтнографической методологии. В частности, они выделяют и детализируют девять возможных форм этнографического исследования — аборигенная и нарративная этнографии, рефлексивное диадное интервью, рефлексивная этнография, многослойные учетные записи, интерактивное интервью, коллективная этнография, совместно конструируемые нарративы и, наконец, личные нарративы [Рогозин, 2015: с. 230]. Здесь можно упомянуть междисциплинарные феминистские исследования («женские устные истории») М. Делвут, Л. Абу-Луход, О. Кись и др.

Помимо указанных форм авторы обращают внимание еще на одну — «этнографическое наблюдение за этнографической работой», которое можно назвать «конструкциями второго порядка» (в терминологии А. Щюца) [Anderson, 2006: p. 38] или метаэтнографией. Речь идет о поставтоэтнографической рефлексии, когда сам автор через некоторое время критически анализирует результаты проделанной работы и обнаруживает её модифицированную версию [Рогозин, 2015: сс. 233–234].

Впоследствии Т. Адамс совместно с другим автоэтнографом С.Х. Джонс вводят понятие «квирной автоэтнографии», для которой характерны: нестрогая понятийная определенность, концептуальная гибкость и схематичность картины мира; установка на собственную идентичность в качестве объекта изучения;

интимность, постижение социального «через понимание индивидуального, телесного, личностного» [Рогозин, 2015: с. 239].

Особенно Рогозин выделяет «драматическую социологию», или, как он предлагает ее переименовать — «архивную этнографию» А.Н. Алексеева, которая методологически тяготеет к квир-теории. Однако в отношении исследований Дж. Лофланда наибольший интерес вызывает аналитическое направление автоэтнографии, представленное в работах Леона Андерсона. Размышляя об автоэтнографии в контексте аналитической этнографической практики, ученый фокусируется на нескольких ключевых принципах, которые позволяют исследователю достичь аналитической позиции. Каждый принцип предполагает ряд методических приемов, которые не только пересекаются с рассмотренными выше принципами Дж. Лофланда, но и в некоторой степени дополняют их. «Я использую термин «аналитический», чтобы указать на широкий набор практик трансцендирования данных, направленных на теоретические развитие, доработку и расширение» [Anderson, 2006: p. 387].

Согласно Андерсону, этого можно достигнуть благодаря: позиции *полноправного членства в изучаемом сообществе* (*complete member researcher (CMR) status*), что предполагает ее (позиции) познание, принятие и реализацию в собственном поведении; открытости и публичности в описании всех аспектов исследования (аналитическая рефлексивность, нарративная видимость исследовательского «Я», диалог с информантом через собственный жизненный мир, систему ценностей и действий); отказу от какой-либо уверенности в возможности аутентичного отображения происходящего как принципа теоретического осмысления реальности. Как отмечает Андерсон, аналитическая автоэтнография является поджанром «реалистической этнографической традиции» и полностью альтернативна эвокативной форме. Основное её отличие состоит не в достоверном отображении социальной жизни, а в умении исследователя «трансцендировать» свидетельства путем разработки более абстрактных теоретических обобщений, когда рассказ о личном жизненном опыте связывается с широким культурным и историческим контекстом.

Подводя итоги и обобщая рассмотренные выше теоретико-методологические подходы, можно констатировать, что на сегодняшний день аналитическая, или, более широко, социологическая этнография, несомненно, стала более распространенной по сравнению с тем, какое положение она занимала еще несколько десятилетий назад. Одним из основных ее достижений стала наглядная демонстрация возможностей сбора тех глубинных или латентных данных, которые не могут быть получены с помощью ряда других, в частности количественных, методов. На примере концепции Дж. Лофланда (табл. 2), которая является одним из ключевых направлений современной социологической этнографии, можно утверждать, что в теоретическом и методологическом отношении эта концепция все еще требует существенной доработки. Так, формулировка некоторых принципов остается слишком абстрактной или противоречивой. Неясным и непроработанным является требование баланса гипотетического, дедуктивного подхода и индуктивной стратегии сбора эмпирических данных. В частности, построение исходных пропозиций противоречит принципам новизны и эмерджентности, которые предполагают отказ от предзаданных теоретических конструкций.

Принципы аналитической этнографии (Дж. Лофланд)

Исходные пропозиции	<ul style="list-style-type: none"> – система базовых исследовательских вопросов – гипотетические предположения – нарративные или концептуальные структуры научного проекта – индуктивное восхождение к наивысшим уровням абстрагирования на основании «исторических» случаев – транситуационные утверждения
Неограниченное познание	<ul style="list-style-type: none"> – рефлексивность, обращение к контексту исходных пропозиций – неангажированный взгляд на предмет исследования – стремление к преодолению латентных категорий сознания – метаанализ и экзистенциальная перспектива
Глубинная осведомленность	<ul style="list-style-type: none"> – включенное наблюдение; соучастие, «сонастроенность» – лонгитюдная иммерсия – проникновение за пределы поверхностных слоёв социальной реальности (конвенциональные «фронты», типизации, стереотипы и другие формализованные паттерны)
Эмерджентный анализ	<ul style="list-style-type: none"> – отказ от предзаданных теоретических конструкций – кейс-стадии – индуктивный и открытый анализ – постепенная, восходящая аккумуляция данных, их кодирование, категоризация и концептуализация
Достоверность	<ul style="list-style-type: none"> – точное описание пространственно-временных параметров изучаемых ситуаций – этнографическая валидность – транспарентность исследовательской практики
Новизна	<ul style="list-style-type: none"> – обращение к малоизученным сегментам проблемного поля – отказ от воспроизводства ранее уже полученных достоверных результатов – возможность изменения места и времени исследования в рамках ранее разработанных темизучение новейших социальных явлений и процессов
Развитая интерпретация	<ul style="list-style-type: none"> – детализированная теоретическая трактовка, комплексное эмпирическое обоснование изучаемой проблемы – поддержание баланса между теоретическим и эмпирическим уровнями исследования – интерпретация – обеспечение дисциплинарной строгости и дополнительная проверка достоверности исследовательского контента

Относительно слабая логическая структура концепции Лофланда парадоксальна, если учесть завершающий принцип развитой интерпретации, требующий глубокого структурного истолкования, внимания к деталям в теоретической трактовке, комплексного эмпирического обоснования выдвинутых утверждений. Противоречие дисциплинарной строгости развитой интерпретации и открытого, неограниченного познания продуцирует проблему доступа к контексту и поддержания лонгитюдной связи с исследуемым феноменом, когда пространственно-временная локализация проблемного поля, позиция самого ученого могут быть фреймами, ограничивающими исследовательский поиск. Вместе с тем, возникновение этих и многих других критических вопросов, ответы на которые будут способствовать дальнейшему развитию аналитической

этнографии, стало возможно именно благодаря предложенной концептуализации, составляющей в целом конструктивный импульс.

Представленный анализ различных жанров аналитической этнографии не только показывает разнообразие исследовательских практик, но способствует совершенствованию и, в некоторой степени, преодолению ограничений концепции Дж. Лофланда (благодаря которому социальные науки получили относительно «стройную» модель аналитики качественных данных) путем дополнения соответствующих методологических принципов: эмерджентный анализ — «трансцендированием»; глубинная осведомленность — доступностью данных обеспечиваемой полноправным членством; развитая интерпретация — нарративной открытостью личности исследователя; новизна — трансконтекстуальностью и т. п.

Внедрение рассмотренных принципов целесообразно для развития социологической этнографии, в которой исследователю не просто важно отобразить особенности изучаемой среды или ситуаций взаимодействий, реализовать намерение следования рутинным инсайдерским практикам, скрытым от прямого понимания и часто недоступным для прямой регистрации, но и подняться на уровень системного, концептуального абстрагирования и увидеть в эпизодах повседневной жизни более широкий смысл социальных явлений, превосходящий специфические совокупности эмпирических данных.

Источники

Адлер, П. А., Адлер, П. (2019). Полевые истории: размышления о четырех десятилетиях этнографии. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 11 (20), 8–35.

Бурдые, П., Вакан, Л. (2015). *Рефлексивна соціологія*. Київ: Медуза.

Рогозин, Д. (2016). Открытость методик как этическая норма. *Социологический журнал*, 22 (2), 135–142.

Рогозин, Д. (2015). Как работает автоэтнография? *Социологическое обозрение*, 14 (1), 224–273.

Anderson, L. (2006). Analytic Autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, 35 (4), 373–395.

Goffman, E. (1983). The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address. *American Sociological Review*, 48 (1), 1–17.

Goffman, E. (1989). On Fieldwork. *Journal of Contemporary Ethnography*, 18 (2), 123–132.

Hunt, S., Benford, R. (1994). Identity talk in the peace and justice movement. *Journal of Contemporary Ethnography*, 22 (4), 488–517.

Konecki, K. (2018). *Advances in Contemplative Social Research*. Kraków: Jagiellonian University Press.

Lofland, J. (1966). *Doomsday Cult: A Study of Conversion, Proselytization, and Maintenance of Faith*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Lofland, J. (1969). *Deviance and Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Lofland, J. (1970). Interactionist Imagery and Analytic Interruptus. In: Shibutani, T. (Ed.), *Human Nature and Collective Behavior: Papers in Honor of Herbert Blumer* (pp. 35–45). New Brunswick, NJ: Transaction Books.

Lofland, J. (1971). *Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis*. Belmont, CA: Wadsworth.

Lofland, J. (1984). Erving Goffman's Sociological Legacies. *Urban Life*, 13 (1), 7–34.

Lofland, J. (1985). *Protest: Studies of Collective Behavior and Social Movements*. New Brunswick, NJ: Transaction.

Lofland, J. (1993). *Polite Protesters: The American Peace Movement of the 1980s*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Lofland, J. (1996). *Social Movement Organizations: Guide to Research on Insurgent Realities*. New York: Aldine DeGruyter.

Lofland, J. (1995). Analytic Ethnography: Features, Failings, and Futures. *Journal of Contemporary Ethnography*, 24 (1), 30–67.

Melnikov, A., Johnson, J. (2021). Situational Analysis: Existential and Interpretative Perspective. *Studies in Symbolic Interaction*, 53. [Forthcoming].

Mullins, N. (1973). *Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology*. New York: Harper and Row.

Sanjek, R. (1990). On Ethnographic Validity. In: Sanjek, R. (Ed.), *Fieldnotes: The Makings of Anthropology* (pp. 385–418). Ithaca, NY: Cornell University Press.

Snow, D., Morrill, C., Anderson, L. (2003). Elaborating Analytic Ethnography: Linking Fieldwork and Theory Ethnography. *Ethnography*, 4 (2), 181–200.

Получено 18.08.2021

References

Adler, P.A., Adler, P. (2019). Field Stories: Reflections on Four Decades of Ethnography. *Interaction. Interview. Interpretation*, 11 (20), 8–35. [=Адлер 2019]

Bourdieu, P., Wacan, L. (2015). *Reflexive sociology*. [In Ukrainian]. Kyiv: Medusa. [=Бурдые 2015]

Rogozin, D. (2016). Method openness as an ethical norm. [In Russian]. *Sociological Journal*, 22 (2), 135–142. [=Рогозин 2016]

Rogozin, D. (2015). How does autoethnography work? [In Russian]. *Sociological Review*, 14 (1), 224–273. [=Рогозин 2015]

Anderson, L. (2006). Analytic Autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, 35 (4), 373–395.

Goffman, E. (1983). The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address. *American Sociological Review*, 48 (1), 1–17.

Goffman, E. (1989). On Fieldwork. *Journal of Contemporary Ethnography*, 18 (2), 123–132.

Hunt, S., Benford, R. (1994). Identity talk in the peace and justice movement. *Journal of Contemporary Ethnography*, 22 (4), 488–517.

Konecki, K. (2018). *Advances in Contemplative Social Research*. Kraków: Jagiellonian University Press.

Lofland, J. (1966). *Doomsday Cult: A Study of Conversion, Proselytization, and Maintenance of Faith*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Lofland, J. (1969). *Deviance and Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Lofland, J. (1970). Interactionist Imagery and Analytic Interruptions. In: Shibutani, T. (Ed.), *Human Nature and Collective Behavior: Papers in Honor of Herbert Blumer* (pp. 35–45). New Brunswick, NJ: Transaction Books.

Lofland, J. (1971). *Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis*. Belmont, CA: Wadsworth.

Lofland, J. (1984). Erving Goffman's Sociological Legacies. *Urban Life*, 13 (1), 7–34.

Lofland, J. (1985). *Protest: Studies of Collective Behavior and Social Movements*. New Brunswick, NJ: Transaction.

Lofland, J. (1993). *Polite Protesters: The American Peace Movement of the 1980s*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Lofland, J. (1996). *Social Movement Organizations: Guide to Research on Insurgent Realities*. New York: Aldine DeGruyter.

Lofland, J. (1995). Analytic Ethnography: Features, Failings, and Futures. *Journal of Contemporary Ethnography*, 24 (1), 30–67.

Melnikov, A., Johnson, J. (2021). Situational Analysis: Existential and Interpretative Perspective. *Studies in Symbolic Interaction*, 53. [Forthcoming].

Mullins, N. (1973). *Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology*. New York: Harper and Row.

Sanjek, R. (1990). On Ethnographic Validity. In: Sanjek, R. (Ed.), *Fieldnotes: The Makings of Anthropology* (pp. 385–418). Ithaka, NY: Cornell University Press.

Snow, D., Morrill, C., Anderson, L. (2003). Elaborating Analytic Ethnography: Linking Fieldwork and Theory Ethnography. *Ethnography*, 4 (2), 181–200.

Received 18.08.2021

АНДРІЙ МЕЛЬНИКОВ, КАТЕРИНА АЛЕКСЕНЦЕВА-ТИМЧЕНКО

Концепція аналітичної етнографії Джона Лофланда

У статті представлено історико-теоретичну інтерпретацію етнографічної парадигми у соціальних науках, її специфіки, загальних принципів застосування та основних напрямів досліджень. Стисло розглянуто витоки аналітичної етнографії, її основоположників та період оформлення як самостійного підходу в структурі інтерпретативної метапарадигми. Етнографічна перспектива визначається як систематичне, інтегральне розуміння соціальних процесів та організації спільної життєдіяльності людей в контексті повсякденних практик. Розглянуто ідейну спадщину фундатора аналітичної етнографії Дж. Лофланда за допомоги характеристики визначених ним базових дослідницьких принципів, які в сукупності становлять суть відповідної теоретико-методологічної стратегії: необмежене пізнання; глибоке ознайомлення; емерджентний аналіз; достовірність; новизна; розвинена інтерпретація. Зроблено спробу простежити подальший зв'язок аналітичного підходу Лофланда з іншими напрямками етнографічної парадигми.

Ключові слова: аналітична етнографія, Джон Лофланд, якісне дослідження, вихідні пропозиції, необмежене пізнання, глибоке ознайомлення, емерджентний аналіз, достовірність, новизна, розвинена інтерпретація

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ, ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕНЦЕВА-ТИМЧЕНКО

Концепция аналитической этнографии Джона Лофланда

В статье представлена историко-теоретическая интерпретация этнографической парадигмы в социальных науках, ее специфики, общих принципов применения и основных направлений исследований. Кратко рассмотрены истоки аналитической этнографии, ее основоположники и период оформления как самостоятельного подхода в структуре интерпретативной метапарадигмы. Этнографическая перспектива определяется как систематическое, интегральное понимание социальных процессов и организации совместной жизнедеятельности людей в контексте повседневных практик. Представлено идейное наследие основоположника аналитической этнографии Дж. Лофланда посредством характеристики выделенных им базовых исследовательских принципов, которые в совокупности составляют суть соответствующей теоретико-методологической стратегии: неограниченное познание; глубинная осведомленность; эмерджентный анализ; достоверность; новизна; развитая интерпретация. Предпринята попытка проследить дальнейшую связь аналитического подхода Лофланда с другими направлениями этнографической парадигмы.

Ключевые слова: аналитическая этнография, Джон Лофланд, качественное исследование, исходные пропозиции, неограниченное познание, глубинная осведомленность, эмерджентный анализ, достоверность, новизна, развитая интерпретация

ANDRII MELNIKOV, KATERYNA ALEKSENTSEVA-TIMCHENKO

John Lofland's concept of analytical ethnography

The paper presents a historical and theoretical interpretation of the ethnographic paradigm in the social sciences, its specificity, general principles of application and main research directions. The sources of analytical ethnography, its founders and the period of formation as an independent approach in the structure of interpretive metaparadigm are briefly considered. An ethnographic perspective is defined as a systematic, integral understanding of social processes and the organization of the collective life in the context of everyday practices. The intellectual heritage of the analytical ethnography's founder John Lofland is presented by characterizing the basic research principles that constitute the essence of his theoretical and methodological strategy: generic propositions; unfettered inquiry; deep familiarity; emergent analysis; true content; new content; developed treatment. An attempt is made to trace the further connections of Lofland's analytical approach with other areas of the ethnographic paradigm.

Key words: *analytical ethnography, John Lofland, qualitative research, generic propositions, unfettered inquiry, deep familiarity, emergent analysis, true content, new content, developed treatment*